

Библиотека была большая. Нет, сказать, что она была большая, было бы преуменьшением. Библиотека была огромная. Это был своего рода рай для любого любителя чтения книг, своего рода монолит знаний и информации, настоящий клад открытий и интересных историй и ...

Здесь было двадцать экземпляров, в различных изданиях о том, как волшебным образом гладить птиц. Книги были написаны неким Скруджи Макди, местной знаменитостью, работавшей в клубе любителей птиц в глуши Шотландии и который получивший международное признание за открытие какой-то волшебной птицы в затерянных джунглях Южной Америки.

А я и забыл, что тут был целый волшебный мир, и он не ограничивался одним Хогвартсом.

"Как вообще упорядочены книги в этой библиотеке?" - пробормотал я, глядя на как-будто абсолютно случайное расположение книг. Как вообще были расставлены эти книги? По прихоти судьбы? Нет, пожалуй, правильная расстановка книги не имеет значения. Если ты знаешь заклинание Акцио, то сможешь легко найти интересующую тебя книгу. А если ты его не знаешь, то всегда можешь найти книгу при помощи библиотекаря.

Еще через несколько минут рассматривания библиотеки мое внимание привлекло трепетание крыльев, и я осознал, что вокруг летают не птицы, а книги. Два тяжелых тома, прямо при мне, вспорхнули на свои места, некоторые книги даже доходили до того, что выталкивали другие книги с их мест, чтобы занять место повыше.

У книг была своя иерархия.

"Здесь нужна централизованная база данных и огнемет", - недоверчиво пробормотал я. "Возможно, даже в другом порядке."

Тем не менее, с помощью мадам Пинс, я нашел книгу, которую искал, после чего направился к библиотечному столу. Другие ученики уже давно отправились исследовать Хогвартс, но я не мог этого сделать. Мне предстояло сделать очень важную работу во славу прекрасного будущего, наполненного отсутствием убийств, отсутствием Волан-де-Морта, и вообще отсутствием всего и всех, стремящихся убить меня.

"Волшебные кондитерские изделия и вы", путеводитель по миру сладостей от Милы Кроши.

Я начал искать список волшебных сладостей упомянутых в книге, но обнаружил полное его отсутствие. Хорошо хоть автор книги оказался милосердным, поскольку в начале книги у него был список глав, который охватывал общие вкусы, от сладкого до кислого, от острого до ядовитого и даже была глава с названием "Глава 36 Абсолютно аморальная еда."

Таким образом, оглавление было более чем бесполезно.

Заинтересовавший 36 главой, я обнаружил, что исландские волшебники любили готовить желе из тюленей. По-описанию, из-за особой магии оно было очень сладким на вкус, и это была не единственная сладости такого рода, к которой очень подходил термин "Абсолютно аморальная еда".

Я начал выписывать название сладостей из этой книги. Шли часы, а я все строчил и строчил пером, которое грозило сломаться от приложенных усилий. Я не успею сделать это за один день, это уж точно. И все же я добился большого прогресса. Меня ждал ужин, ах если бы я только мог взять эту книгу с собой...

"Ни одна книга не покинет эту библиотеку, пока я жива", - ответила мадам Пинс совершенно беззаботно, затем слегка сморщила нос, и книга в моих руках улетела, чтобы вернуться к своим товаркам на полку.

"А нельзя просто наложить какие-нибудь заклинание, чтобы они всегда оставались в первозданном виде? Вроде амулета Репаро или чего-то в этом роде?" - рискнул спросить я. Мадам Пинс фыркнула и махнула палочкой в мою сторону. Меня буквально выгнала из библиотеки моя собственная сумка, которая при этом еще и попыталась откусить мне голову.

Конечно, со стороны это может показаться чем-то смешным, или, возможно, с чрезвычайно серьезной точки зрения, чем-то оскорбительным, но я считал, что истина где-то посередине. Для волшебников было нормально использовать магию, а для детей-волшебников - нормально выживать в экстремальных условиях. Дядя Невилла был ярким примером этого, я полагал, что, поскольку сглаз и проклятия можно снять с помощью магии и зелий... уровень, необходимый для того, чтобы попасть на шкалу "жестокости обращения с детьми", должен быть значительно выше нормы, по крайней мере, это уж точно касалось физических наказаний такого рода.

Кроме того, сумка не пыталась пряжками выколоть мне глаза, так что было не все так плохо, и это не был Стокгольмский синдром, говорящий со мной через линзу испуганного одиннадцатилетнего ребенка.

Тем не менее, я собирался научиться противостоять заклинаниям. Я собирался научиться такому количеству заклинаний, что к тому времени, когда я закончу, я смогу бросить вызов любому, кто покроет мой котел грязью или натравит на меня сумку. Я собирался стать самым лучшим волшебником, каким не был никто до меня. Если Том Риддл сумел создать крестраж на четвертом курсе Хогвартса, а может быть, еще и на шестом, то к концу первого года я, черт возьми, добьюсь невероятных успехов.

Уроки трансфигурации на следующее утро опровергли мою теорию о том, что одного моего горячего желания добиться успеха достаточно.

Ибо появилась не просто математика, а супер-безумная математика. Ну, я даже не вздрогнул, когда МакГонагалл превратилась из кошки в человека, но это был единственный положительный момент за весь день. Мои знания теории трансфигурации были достаточно хороши, но вот практика явно не задалась. Меня убивала не необходимость делать вычисления, а тот факт, что вычисления по своей сути были неправильными.

Это было похоже на попытку быстро сложить пять и кошку, чтобы получить серебряную чашку. Из грушевого дерева вычитаем чихуахуа и ответ будет равен пяти, а кот получался естественным результатом умножения двух семерок. Это было безумие. Это был лавкрафтовский уровень безумия.

Ты для меня мертва. Ты слышишь меня, Волшебная математика? Ты умрешь. Ты умрешь мучительно. Я найду того, кто решил использовать тебя таким образом, убью его очень медленно и обеспечу, чтобы его крики были услышаны даже в аду.

"Помните, что отвлечение внимания и разочарование могут привести к бесполезности безупречного произнесения заклинания и правильного движения палочки", - коротко сказала профессор МакГонагалл, проходя мимо нас. "Отличная работа, мисс Боунс, десять баллов Пуффендую."

А я тем временем пристально смотрел на деревянную штуковину, которую мне предстояло превратить в иглу.

Трансформирование одного предмета в другой звучало чрезвычайно круто. Оно даже не требовало множества слов. Однако совершить его было чрезвычайно трудно. Я мог лишь мечтать о том, чтобы создавать сверкающие кинжалы из воздуха, изменять ландшафт и вызывать землетрясения, но реальность была такова, что я не мог даже превратить спичку в иголку.

Ладно, мне нужно было разобраться с этим математическим безумием.

Вес спички и ее структура были на одной стороне уравнения, и по логике им противостоят сила магии и концентрация волшебника. Пятый неизвестный фактор должен быть количеством энергии, необходимой для того, чтобы заставить атомы измениться на субатомном уровне, или, может быть, это химия, и дело совсем в другом? Нет, сосредоточься на математике и веди себя как волшебник. Ты глупый волшебник. Ты настолько глуп, что используешь магию для всего. Так что же происходит, когда дверь не открывается?

Вы бросаете в нее больше магии, пока она не откроется.

Это просто и должно сработать.

Я взмахнул палочкой, нахмурил брови, а затем коснулся кончика спички, пытаюсь представить, как я меняю каждый атом спички трансформируя ее в иголку и...

Она взорвалась.

Он взорвалась таким количеством металлических осколков, что в следующие пятнадцать минут из моей груди доставали эту своеобразную металлическую шрапнель.

"На трансфигурации всегда бывают пострадавшие среди первокурсников", - сказала медсестра, пока я сосал данную ей конфету, в то время как она вынимала осколки из моей груди.

Макгонагалл была настолько впечатлена, что дала мне десять баллов, но отняла пятнадцать за то, что я подверг опасности ближайших ко мне учеников.

Не моя вина, что спичка отказалась сотрудничать.

Тем не менее, я был очень доволен.

В конце концов, законы физики победили.

<http://tl.rulate.ru/book/59653/1563167>